

ВЛИЯНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КОМИ КРАЯ в XVIII – первой половине XIX в.

А. К. ГАГИЕВА,

*доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения,
архивоведения и прикладной лингвистики ГОУ ВО «Коми
республиканская академия государственной службы и управления»
(г. Сыктывкар, РФ)*

Изучение вопросов, связанных с историей сельского хозяйства во второй половине XVIII – первой половине XIX в., продолжает оставаться актуальным [1; 5; 7–9; 11; 13]. Исследователи, разрабатывая те или иные проблемы, указывали на «суровые природно-климатические условия, недостаток удобных угодий, равнодушие местных властей, известную изолированность территории от центра», которые привели к сохранению «отсталых систем земледелия, одностороннему зерновому характеру производства» [3, 318–319].

Представленная точка зрения долгое время оставалась основной при рассмотрении аграрной проблематики. Сегодня в исторической науке появился ряд интересных подходов и методик, посвященных данной теме. Основная их цель – представить изучаемый исторический феномен во всем многообразии и полноте. Как показано в монографиях В. В. Алексева, И. В. Побережникова, Г. Е. Корнилова и других ученых, развитие любого производства, в том числе сельскохозяйственного в XVIII – первой половине XIX в., невозможно осмыслить без учета модернизации страны. Под модернизацией понимается процесс цивилизационного масштаба, охватывающий как локальные типа Российской, так и мировую цивилизации. Это всеобъемлющий, многомерный процесс, протекающий на различных уровнях (мировом, цивилизационном, страновом, региональном, локальном, индивиду-

альном). При этом механизмы модернизации «не являются идентичными, не совпадают, действуют в соответствии с разными логиками» [12, 9].

Опыт осуществления модернизации на низовом, локальном, уровне в настоящее время недостаточно исследован. Его анализ поможет в определенной мере обогатить историческое знание объемом конкретных примеров эффективных или, напротив, неэффективных разрушительных импульсов, взаимодействия экономических, политико-правовых структур и индивидуальных волеизъявлений. Ведь «именно низовой уровень порождает “большую” историю» [12, 10].

Цель данной работы – рассмотреть влияние российской модернизации на развитие сельского хозяйства, а также попытаться выявить закономерности взаимодействия аграрной и промышленной сфер в контексте региональной protoиндустриализации. В связи с этим был использован корпус опубликованных и неопубликованных источников, находящихся в различных архивохранилищах страны. В первую очередь это материалы Российского государственного архива древних актов, Национального архива Республики Коми, Государственного архива Вологодской области и других. Неопубликованные документы представлены как краткими погодными записями о рассмотренных делах, так и конкретными делами. Практически все архивные

© Гагиева А. К., 2016

документы включают не один, а несколько сюжетов. Их универсальность и комплексность, а также хорошее состояние не раз были использованы исследователями, занимающимися аграрной проблематикой [1; 5; 7–9; 11; 13].

Как уже было показано в ряде работ, Коми край в изучаемое время представлял собой обширную территорию, где шли процессы не только освоения новых пространств, но и индустриализации, которая сопровождалась изменением структуры национального и конфессионального состава населения. Край включал бассейны рек Лузы, Вычегды, Печоры, Двины и их притоков на северо-востоке страны, был частью Европейского Севера России. Климат здесь отличался суровостью: долгая холодная зима и короткое лето. Земли были малопригодны для ведения сельского хозяйства, сезонного и находившегося в сильной зависимости от климатических колебаний. Это не могло не отразиться на складывавшихся социальных и экономических отношениях, приводило к «разорению и нищете». Вместе с тем, согласно Л. В. Милову и другим авторам, отсутствует жесткая взаимосвязь между природно-климатическими условиями и уровнем экономического развития. Иногда прогресс «достигается в неблагоприятной географической среде, и, наоборот, стагнация и регресс при благоприятных природно-климатических условиях» [10, 22].

В административном отношении изучаемая территория включала в себя Усть-Сысольский и Яренский уезды Вологодской губернии, Мезенский – Архангельской, Орловский – Вятской и Чердынский уезды Пермской губернии. На протяжении исследуемого периода население края постоянно возрастало практически во всех районах. Так, с 1799 по 1856 г. численность жителей Усть-Сысольского уезда увеличилась на 93 %, Яренского – на 38, Мезенского – на 68 %. Наиболее высокий прирост зафиксирован на территориях, прилегающих к Верхней Вычегде (26 %), р. Сыsole (20 %), рекам Печоре, Ижме, Цильме и Пижме. По социальному составу это

были государственные крестьяне, по национальному – коми, русские, а на севере – ненцы [4, 63–69]. Их основными занятиями, по данным официальных источников XVIII – первой половины XIX в., являлись земледелие и животноводство. 98 % всей земли в Коми крае находилось в собственности государства.

По Генеральному межеванию 1784–1786 гг. северные крестьяне должны были получить по 15 дес. земли на душу. В Яренском уезде 10 %, а в Усть-Сысольском около 20 % селений получили в распоряжение более 15 дес. При этом угодья отводились «дачами» и имели в своем составе леса, болота, реки и др. Пригодной для хлебопашества земли оставалось мало. В частности, в Усть-Сысольском уезде она составила 0,37, а в Яренском – 0,76 %. В основном это были пашня и сенокос. Расчищенные же за 20 верст от селения крестьянами сенокосы либо отходили к другой волости, либо поступали в распоряжение казны. Крестьяне должны были выкупать эти земли или доказывать в суде право собственности на них. Всего же на одну ревизскую душу пашни и сенокоса в конце XVIII в. приходилось в Усть-Сысольском уезде 3, 66 дес., а в Яренском – 3,41 дес. [8, 304].

Уже в начале XVIII в. сложилась отраслевая структура домохозяйства: земледелие, животноводство и промыслы.

К концу изучаемого периода ситуация с землеобеспечением не улучшилась. Положение усугублялось тем, что правительство запрещало расчищать земли от леса для пашни и сенокосов. Только в 1821 г. северным крестьянам разрешалось производить расчистку от леса с правом сорокалетнего пользования. Для того чтобы был выделен такой участок, требовалось прошение мирского схода, где указывались место расчистки и ее размер (не более 1 дес.). Документ рассматривался в губернской казенной палате. После получения разрешения крестьянин мог ис-

пользовать землю, но не мог ею распоряжаться (продавать, дарить, отдавать в залог и др.). В течение льготного срока с расчисток не платили податей, а по его окончании земля переходила в пользование крестьянской общины. Процедуры подачи челобитных и получения разрешения на расчистки были длительными и затратными для крестьянства, видимо, поэтому население самовольно решало проблему малоземелья. Об этом свидетельствуют многочисленные дела «о самовольных расчистках» в Яренском и Усть-Сысольском уездных судах за 30–50-е гг. XIX в. [8, 305]. Причем ответчиком обычно выступал не только крестьянин, но и весь крестьянский «мир» [5]. К сожалению, не сохранилась информация об общем количестве расчищенных земель, но можно предположить, что расчистки были популярны и среди крестьянских обществ, и среди крестьянских домохозяйств. Косвенно это подтверждается появлением новых выселков и населенных мест на реках Печоре, Верхней Вычегде, Ижме, Цильме и их притоках, что сопровождалось освоением новых земель. Здесь также наблюдалась разработка старых, уже бывших в сельскохозяйственной обороте земельных угодий, оставленных по каким-либо причинам [6, 15].

Под влиянием промышленной модернизации на развитие сельского хозяйства в домохозяйствах центральных и северных районов края наблюдалось перепрофилирование земледелия на животноводство.

Трудовым коллективом домохозяйства была семья. Чередование в семейном цикле двух- (супруги и их дети) и трехпоколенных (супруги и женатый сын с детьми или супруги с детьми и одним женатым сыном) структур стало устойчивой традицией. Однако, в связи с тем что на данной территории мужчины довольно часто оказывались вне пределов домохозяйств, проблема рабочих рук решалась за счет труда женщин. Они нередко занимались «муж-

скими» занятиями, например рыболовством, охотой и др. Женщина в Коми крае имела также исключительные права при наследовании земли, имущества и т. д. [3, 282–289].

Уже в начале XVIII в. сложилась отраслевая структура домохозяйства: земледелие, животноводство и промыслы. При этом наметилась дифференциация домохозяйств различных территорий. В южных и центральных районах края в отраслевой структуре преобладали пашенное земледелие в сочетании с животноводством; промыслы и огородничество играли вспомогательную роль. Так, посея зерновых в Яренском уезде составляли в озимом клине от 0,12 до 0,14 четверти на человека, в яровом поле от 0,22 до 0,26 четверти [8, 309–311]. В яровом клине преобладал ячмень. Однако на юге культивировали озимую рожь, овес, а в ряде домохозяйств – горох и пшеницу [8, 310]. Небольшой яровой и озимый клин не мог удовлетворить потребности крестьянской семьи, поэтому большое значение имело животноводство. Однако оно не было основным в крестьянском домохозяйстве южных районов края. К концу изучаемого периода земледелие и животноводство потеряли свои позиции, и на первый план начали выходить промыслы в виде кустарного ремесла и отхода как внутри края, так и за его пределы. Наблюдалась активизация ухода на заработки не только на железоделательные (Кажымский, Ньючимский и Нючпасский) и солеваренный (Сереговский) заводы, но и в Пермь, сибирские города и т. д. В целом внеземледельческие занятия крестьян стали более разнообразными. Появились их новые виды: сопровождение грузов, изготовление речных судов, заготовка сырья для заводов и др.

Эволюция структуры внеземледельческих занятий показывает высокие адаптационные свойства крестьянского домохозяйства к изменяющимся условиям. Это подтверждает развитие домохозяйств у жителей заводских округов, сформированных у вышеназванных заводов. Здесь полевое хозяйство активно развивалось наря-

ду с огородничеством. Первое давало производству сено, а последнее – овощи. Как в центре, так и на юге края получили распространение огородные культуры – репа, морковь, капуста, редька, а также парниковые огурцы, появившиеся в 80-х гг. XIX в. [8, 314–315]. Принадлежавшие заводам сенокосы и леса, а также сенокосы и леса соседних с заводами волостей являлись одновременно средствами производства и для заводского, и для домашнего хозяйства. В семьях местных жителей происходило воспроизводство рабочей силы как для домохозяйств, так и для заводов. Семейное хозяйство брало на себя заботу о лошадях, которые служили тягловой силой и на заводе, и на домашних работах. Летом рабочим предоставлялся оплачиваемый отпуск в связи с распорядком работ в домохозяйстве, и заводское производство (полностью или частично) останавливалось. Домохозяйствам было невыгодно занятие хлебопашеством, и большинство управляющих заводами были вынуждены взять на себя организацию снабжения населения хлебом. Так, по первой ревизии 1719–1725 гг., на заводе жили 64 крепостных («домовых людей», «дворовых людей») [5]. В 1767 г. они о себе сообщали: «Мы гостя Панкратьева дворовые люди живем в Сереговском Усолье в доме помянутого гостя Панкратьева изстари. А пашенные земли от него, Панкратьева, мы не пашем и с своей собственной пашенной земли промыслов не имеем, а живем в доме ево и отправляем ево дела при соляном промысле и питаемся денежным и хлебным ево жалованием» [5].

Несколько иначе проходила отраслевая специализация домохозяйств во вновь освоенных северных районах. Здесь на первый план вышли животноводство, затем следовали промыслы и земледелие. Причем варианты ведения хозяйства были различными. На начальной стадии расселения земледелие занимало первое место, впоследствии, когда переселенцы уже достаточно хорошо чувствовали себя в новой среде, они постарались приспособиться к условиям климата и ландшафта. Как показывают историче-

ские источники, процесс освоения северных территорий требовал формирования различных хозяйственных типов. В частности, в Мезенском уезде активно развивались земледелие и скотоводство. Здесь с 1801 по 1806 г. посевной клин заметно расширился и посевы ржи увеличились с 325 до 578 четвертей, а ячменя – с 6 605 до 9 061 четверти. С 1808 г. начались неблагоприятные для земледелия годы, что привело к неурожаю, падению производства [8, 311]. Выжить в таких условиях можно было, лишь используя потенциальную культуру мигрантов. Внимание было обращено на скотоводство, которое в северных районах края приобрело определенную самостоятельность. Так, в Ижемской волости «...лошадей было довольно, в среднем – на двор приходилось две лошади», а в Усть-Цилемской – по три лошади. Крупного рогатого скота в выше-названных волостях в 1840 г. бедные крестьяне имели до пяти голов на двор, средние – до десяти, а богатые – до тридцати [6, 15]. Животноводство удовлетворяло потребности крестьянской семьи в пище и одежде. Продукты животноводства поступали на местные и российские рынки. Особенно ценилось коровье масло, которое считалось одним «из лучших в губернии» [6].

К концу изучаемого периода земледелие и животноводство потеряли свои позиции, и на первый план начали выходить промыслы в виде кустарного ремесла и отхода как внутри края, так и за его пределы.

Для расширения ресурсной базы животноводства крестьянство северных районов занялось оленеводством, которое было основным занятием ненцев. Первые контакты с ними, по данным исторических источников, относятся к концу XVI – началу XVII в. Коми переселенцы, приобретая оленей, перенимали опыт и навыки ненцев по уходу за животными. К 30-м гг. XIX в. оленеводством занимались 130 семейств (16,2 %), в 40-е гг. – 245 (30,6 %). Всего же

у коми-ижемцев в 30-е гг. XIX в. насчитывалось 120 тыс. оленей, а к концу исследуемого периода – от 150 до 175 тыс. голов [2, 68]. Взаимоотношения между коми-ижемцами и ненцами не были мирными: «...концентрация оленей у ижемцев проходила не всегда праведным путем. Они спавали и обманывали ненцев при заключении торговых сделок, отбирали оленей за долги, просто воровали их...» [8, 323]. На начальном этапе развития оленеводства мясо, мех, языки, кожа оленей использовались в домашнем хозяйстве, являясь прибавкой к пищевому рациону. Однако постепенно, с расширением сферы деятельности здесь формируется новое производство – замшевое. По данным исторических источников, к 30–40-м гг. XIX в. в Ижемской волости уже насчитывалось 150 «замшевых заводов» – хозяйств, где не только содержали оленей, но и обрабатывали шкуры. Большинство из них были устроены самостоятельно «без дозволения начальства» и представляли собой мануфактуру с внутрицеховым разделением труда, ориентированную на рынок. Почти все владельцы мануфактур закупали олени шкуры, формировали крупные стада, нанимали работников и т. д. Общие ежегодные доходы от продажи замши в 40–50-е гг. XIX в. составляли 50–70 тыс. руб. [2, 69].

Домохозяйства, объединенные в крестьянские общины, обладали высокой степенью приспособляемости к изменяющимся условиям. Потенциал их возможностей был безграничен, что определялось природой крестьянской организации, которая являлась самоорганизованной, самообеспечивающейся и всегда была готова оказать помощь своим членам.

Несмотря на то, что пашенное земледелие не играло определяющей роли, нельзя говорить об отсутствии у крестьян на севере пахотного клина. Его структура была связана с природно-климатическими

условиями, составом и качеством почв и т. д. Основной культурой выступал ячмень, посева овса и гороха были мизерными, озимая рожь не высевалась вообще. Из огородных культур на севере предпочитали репу и редьку. В 1792–1796 гг. урожайность зерновых в Ижемской волости составляла сам-6,61, в Усть-Цилемской – сам-3,35; в 1801–1806 гг. – соответственно сам-5,90 и сам-5,15, в 1847 г. – сам-4,63 и сам-1,96 [8, 311].

Домохозяйство северных волостей не могло обойтись без промыслов. Одними из главных оставались охота и рыболовство. Они играли большую роль в организации жизнеобеспечения. Так, в 1855 г. чердынские купцы закупили у крестьян Ижемской волости 10 тыс. пудов семги и 20 тыс. пудов белой рыбы. Всего в Печорском крае Мезенского уезда в 1839–1842 гг. вылавливалось от 10 до 15 тыс. пудов семги и от 20 до 39 тыс. пудов речной и озерной рыбы, которая шла на продажу на местные и российские рынки [4, 18]. Естественно, для получения еще больших улова и прибыли необходимо было осваивать новые речные пространства. Это, с одной стороны, увеличивало ресурсы для хозяйственного развития и способствовало складыванию обширного внутреннего рынка, с другой – создавало предпосылки для консервации крестьянской жизни, формирования замкнутого общества.

Под влиянием промышленной модернизации на развитие сельского хозяйства в домохозяйствах центральных и северных районов края наблюдалось переуплотнение земледелия на животноводство. Если у приписных крестьян Урала в XVIII – XIX вв. эта отрасль стала основной «...сельского хозяйства... несмотря на недостаток сенокосов и их меньшую по сравнению с пашней площадь» [12, 190] в связи с приспособлением хозяйств к нуждам развивающейся металлургии, то для Коми края это была вынужденная мера. Необходимо было не только выжить в данных природно-климатических условиях, но и обеспечить жизнедеятельность и воспроизводство крестьянской семьи.

Крестьянские домохозяйства не могли развиваться и вести сельское хозяйство в одиночку. Они, как уже было отмечено, истари объединялись в поземельные крестьянские коллективы – крестьянские общины. Государство как верховный собственник земли в крае наделяло их землей, требуя от населения «исправной выплаты» денежного налога и выполнения в пользу государства натуральных повинностей. Все земли, как показывают исторические источники, условно делились на две группы: «природные», «дедовские», «мирские» и «приобретенные», «личные». Община не вмешивалась в крестьянское землевладение, но распоряжалась общими для всех землями – под улицами, дорогами, «мирскими» выпасами, фондом оставленных земель. Кроме того, «мир» старался «не допускать крестьян до разорения», решать «полюбовно» поземельные конфликты среди односельчан, а также следил за сохранностью земель от посягательств извне (в лице купцов и заводчиков) [5]. При этом земельные крестьянские наделы на протяжении изучаемого периода находились в личном, индивидуальном, пользовании. Крестьянин мог свой участок продать, купить, обменять, подарить и т. д. [5].

Несмотря на ряд указов, запрещавших отчуждать землю, коми крестьянин, как и государственный крестьянин Севера и Сибири, продолжал свободно распоряжаться своим земельным наделом. Так, в документе первой половины XIX в. отмечалось: «...некоторые крестьяне позволяют себе продавать и закладывать доставшиеся по разделу общественные земельные участки и другие угодья совершенно вопреки закону» [8, 306–307]. Если в конце XVIII в. наиболее распространенной формой отчуждения был «заклад земель» за определенную плату, то к середине XIX в. таковой стала ее продажа. Наиболее ярко это прослеживается на территориях, прилегавших к железодельным заводам [5]. Строительство новых предприятий, расширение и освоение новых территорий при-

коми край в изучаемое время представлял собой обширную территорию, где шли процессы не только освоения новых пространств, но и индустриализации, которая сопровождалась изменением структуры национального и конфессионального состава населения.

водило к созданию здесь инновационных центров индустриализации.

Все вышесказанное в определенной мере противоречит тому, что, указывая как основные отрасли хозяйства коми крестьян земледелие и животноводство, авторы утверждают: «...земледелие не обеспечивало даже минимальной потребности в продуктах питания» [8, 323–325]. Земледелие на данной территории в силу объективных причин невозможно рассматривать как единственную отрасль сельского хозяйства. Даже вместе с животноводством оно не могло полностью удовлетворить потребности в продуктах питания. Для того чтобы выжить, крестьянство использовало весь имеющийся у него опыт и смекалку. Домохозяйства, объединенные в крестьянские общины, обладали высокой степенью приспособляемости к изменяющимся условиям. Потенциал их возможностей был безграничен, что определялось природой крестьянской организации, которая являлась самоорганизованной, самообеспечивающейся, и всегда была готова оказать помощь своим членам. Занятия коми крестьян несельскохозяйственными промыслами были давней традицией. Они входили в отраслевую специализацию практически всех домохозяйств и прочно вписались в их структуру. Происходившие здесь протоиндустриализация и модернизация, сопровождавшиеся появлением новых промышленных анклавов, способствовали изменениям в сельскохозяйственном производстве и появлению новых сельскохозяйственных культур и отраслей.

Поступила 15.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Балуева, Д. Д.* Из истории земельных отношений в Коми крае в XVIII веке // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1958. – Вып. 4. – С. 58–73.
2. *Беленкина, Т. И.* Замшевый промысел крестьян Ижемской волости в первой половине XIX вв. // Вопросы социально-экономической истории Коми края (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР № 2). – Сыктывкар, 1980. – С. 24–33.
3. *Гагиева, А. К.* Коми крестьянка в региональном социуме XVIII в. // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен : матер. V Междунар. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории, приуроченной к Году российской истории. 4–7 октября 2012 г. Тверь. – Тверь, 2012. – Т. 1. – С. 282–289.
4. *Гагиева, А. К.* Модернизация Европейского Севера России в XVIII веке // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Теория и практика управления». – 2014. – № 12 (17). – С. 63–68.
5. *Гагиева, А. К.* Община крестьян Коми края во второй половине XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук / А. К. Гагиева. – Сыктывкар, 1987. – 196 с.
6. *Гагиева, А. К.* Освоение северных территорий Коми края во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления... – 2015. – № 14 (19). – С. 13–17.
7. *Жеребцов, Л. Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами / Л. Н. Жеребцов. – Москва : Наука, 1982. – 186 с.
8. *История Коми АССР с древнейших времен до конца XX века.* – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2004. – Т. 1. – 285 с.
9. *Котов, П. П.* Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX веков / П. П. Котов. – Сыктывкар, 1996. – 289 с.
10. *Милов, Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – Москва, 1998. – 568 с.
11. *Национальный архив Коми НЦ УрО РАН.* – Ф. 5. – Оп. 2. – Д. 401.
12. *Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов* / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков [и др.]. – Екатеринбург : Банк научной информации, 2011. – 404 с.
13. *Очерки по истории Коми АССР.* – Сыктывкар, 1955. – Т. 1. – 352 с.
1. *Balueva, D. D.* (1958), From the History of land relations in the Komi region in the XVIII century, History and Philology: collection of articles, Vol. 4, Syktyvkar, p. 58–73.
2. *Belenkina, T. I.* (1980), Suede manufacturing of farmers in Izhemsky area in the first half of the XIX century, Questions of social and economic history of the Komi region, Proceedings of the Institute of Language, Literature and History, Komi Branch of the USSR Academy of Science, # 2, Syktyvkar, p. 24–33.
3. *Gagieva, A. K.* (2012), Komi female peasant in the regional society of the XVIII century, Women and men in the context of historical change, Proceedings of V International Conference of Russian Association of Researchers of Women's History, dedicated to the Year of Russian history, 4–7 October 2012, Vol. 1, Tver, p. 282–289.
4. *Gagieva, A. K.* (2014), Modernization of European North of Russia in the XVIII century, Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management, Series “The theory and practice of management”, № 12 (17), p. 63–68.
5. *Gagieva, A. K.* (1987), Peasant Community of Komi region in the second half of the XVIII century, dissertation (Cand. Science {History}), Syktyvkar.
6. *Gagieva, A. K.* (2015), Development of the northern territories of the Komi region in the second half XVIII – first half XIX centuries, Bulletin of the Komi Republic Academy of Public Administration and Management, № 14 (19), p. 13–17.
7. *Zherebcov, L. N.* (1982), Historical and cultural relations of the Komi people with the neighboring peoples, Moscow.
8. *History of the Komi ASSR from ancient times to the end of the XX century*, Vol. 1, Syktyvkar, 2004.
9. *Kotov, P. P.* (1996), Dynamics of farming level in the Komi region in late XVIII – early XX centuries, Syktyvkar.
10. *Milov, L. V.* (1998), The Great Russian plowman and specific features of Russian historic process, Moscow.
11. *National Archives of Komi Science Centre.* F. 5. Op. 2. D. 401.
12. *Alexeev, V. V., Alekseev, E. V. and Zubkov, K. I.* (2011), The experience of Russian modernization XVIII–XX centuries: interaction of macro and micro processes, Ekaterinburg: Bank of Academic Data.
13. *Essays on the History of the Komi ASSR* (1955), Vol. 1, Syktyvkar.